Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Любовь и дворянство

— Я могу на вас положиться? — Сергей Александрович протягивает Жанне книгу. Редчайший экземпляр — издание 1906 года. Как в страшном сне она принимает подношение — выражение личного доверия молодого преподавателя к студентке-первокурснице.

— Да, конечно, — лепечет она, прижимая фолиант к груди. Бюстик она принципиально не носит, соски отпечатались пупырышками на бежевой водолазке. Чёрные джинсы-стрейч обтягивают точёную фигурку. Жанна обожаема и желанна, смазливое личико, вьющиеся длинные волосы цвета осенней красной листвы, с бурыми прожилками и чёрными корнями. Её губки блестят молочной пенкой помады, её вертлявая попка скачет по коридору, деловито подчёркивая изгибы фигуры. Её грудки прижаты тонким стрейчем, заправленным, как бодечка, под ремешок. Она — фурия, девочка фаталь, необученная кудесница любви, вьющая сети социального взрыва. Народ ошалело смотрит вдогонку, облизывается до умопомрачения, сколько же секса в этой деточке? Она прикусывает губку, поигрывая колпачком ручки. Жанна — девочка серьёзная, изящные очочки извлекаются из футлярчика, лекция по макроэкономике не хухры-мухры, это вам не на сиськи пялиться. Пацаны сидят в верхней одежде, ёрзая, шушукаясь на галёрке. Девочки-припевочки метят в отличницы, заняли лучшие места в партере. Нужно примелькаться, задать пару умных вопросов, чтобы попасть на карандаш.

Сергей Александрович вещает размеренно, ручки по швам. Конспект перед ним, девчонки хихикают, переглядываясь. Он выходит в коридор, первая лекция — блин комом или позор? Бледное отражение в зеркале, идеальный костюм на подтянутом в струнку теле Наполеона — что им ещё надо? Возвращается.

Жанна, Жанна — её ножки, следы её ступней на песке он готов целовать прямо сейчас. Ах, зачем, зачем она закидывает шпильку в проход, зачем поигрывает коленцем, умиротворённо улыбаясь, как-будто гладит его пах подъёмом ступни, приглаживает эрекцию, затянутую под трусами-кельвин-кляйнами.

— Я могу на вас положиться?

Она сама напросилась, преследует его по пятам. Уже знает в какой комнате он живёт в общаге, уже завела подружку, которая пускает её на этаж, уже караулит его в популярных местах, здоровается первая, подходит с вопросами после лекции.

А он и рад стараться: книжечка у него есть очень интересная, старинная, хотите почитать? — Очень хочу. — Тогда я должен на вас положиться.

И вот она идёт к Наполеону с замиранием сердца. Не каждый день влюбляешься в преподавателя, не каждый раз даётся такое счастье любить тихо и безропотно. Сходить с ума по человеку, отдалённому возрастным цензом. Первокурсницы должны грызть гранит науки, встречаться с домашними мальчиками своего уровня, должны ходить в кино и на дискотеку. А она втюрилась до краски в щеках, до утренней мастурбации со стонами в подушку.

— Вот ваша книжечка, — лопочет заинька, заглядывая через порог. Нет ли там женщины роковой?

— Ох, спасибо, спасибо, Жаннушка. Тебе понравилось?

— Очень понравилось, очень. А у вас ещё есть что-нибудь почитать?

— Конечно, есть. Вся моя мини-библиотека распахнула для тебя объятия. Проходи, не

стесняйся, пожалуйста.

Как она может не стесняться? Она дрожит от одной мысли очутиться с ним в одной комнате, наедине, остаться с ним в одном закрытом пространстве хотя бы на минуту. На секунду пережить этот тайный момент истины. Она дрожит, мельтешит в коридорчике, снимать ли ей сапожки кожаные?

«А как же ты будешь гладить мой пах, заинька?» — Сергей Александрович приказывает ей остаться в сапожках.

Она идёт за ним в комнату: вот кровать на которой он спит, хорошо заправленная, очень удобная для занятия сексом. По-спартански — кто-то всегда сверху. Спать, да разве с Жанной заснёшь? Она не даст ему уснуть.

Сергей Александрович подводит Жанну к полке с книгами. Ему неловко держать студентку в комнате, как пригласить её на свидание? А что другие подумают? Только пришёл работать, и сразу шуры-муры?

— Мне, наверное, придётся уволиться, — сообщает он грустным голосом.

— Почему? — шепчет лапочка.

«Как? Что случилось?» — кричит её сердце. Она разрывается от горя. Серёжа уйдёт, покинет её?

— Почему? — повторяет он шутливо, заглядывая ей в глаза.

Она растеряна, опускает взгляд, втягивает губки.

«Да, почему?» — поднимает глаза.

— Потому что я люблю тебя.

И всё! Сердце уходит в пятки, возвращается, прыгает ошалело в груди.

«Он меня любит, он любит, любит меня!» — танцует джагу.

Она смотрит на него светлым ласковым взглядом. Разве можно простить ему эти слова? Он вынужден страдать по её вине, она только сейчас понимает щекотливость его положения. Он хочет любить и запрещает себе, хочет работать и не может, он вынужден страдать. Вот такая у него невежливая судьба преподавательская!

Жанна уходит, виновато отнекиваясь: «Не виноватая я, он сам сознался!»

А Бони-Серый-Бонапарт ложится спать с разбитым сердцем. Теперь и уходить не резон, и оставаться жеманно. Жанна-жеманно разболтает подружкам, посмеются за чаем. Как препод втюрился в студентку, разводиться с филфаком собрался. А он-то и поработать ещё не успел, как следует. Первый месяц на посту, кафедральные цацы строят планы. Новый мальчик хорош собой, черняв, строен, широк в плечах. Серьёзный мальчик, плюс научная степень. Ну, кто хочет стать доцентшей без ксивы? Лес рук: разведёнки, стрёмные одиночки, ну а ты, ты-то куда прёшь, Марья-краса предпенсионная лиса? Ты-то уже хвостом отвертела своё, а всё лезешь, заглядываешь на мужиков молоденьких.

Мужчина на кафедре мировой экономики в инязе — как красная тряпка на манеже колизея. Все бабы рвутся вспороть пах рогами.

А он ищет ножку Жанны. Он уж и листик присвоил с её почерком и мастурбирует на буковки. В каждой строчке только точки после буквы «л». Заливаются литерки похучими белёсыми слезами, подсыхают воздыханно.

Но делать нечего, жизнь течёт своим чередом. Пускай красавица потешится, что препод сидит на крючке. Не конец света, и нечего глазками стрелять. Строгость и безразличие. Нет её больше, нет, вычеркнули из жизни.

Она бежит за ним коридору.
«Серёжа, — шепчут губы, — Я люблю тебя».
Догоняет на лестнице и целует взасос, срывается и убегает.
«Вот дурёха-то, а!» — Серый в полной отключке вертит башкой. Пустая лестница, никого. Фу, пронесло. Это ж надо такое утворить-то, а, прямо в универе. И всё же поцелуй девочки многообещающей сладок. Набросилась как ненормальная, он и подумать-то ничего не успел.
— Чем могу помочь? — строго и осуждающе.
А она его раз — и в губы, и шею обхватила — не вырвешься. Висит на нём, присосавшись, как пиявка. Раз, два, три, губы размыкаются, язык её трётся об дёсны и зубы, залетает под губы. Четыре — и нет её, скачет уж попка вниз по лестнице, только вихрь осенний пылает за спиной.
Побрёл наш Серёжа на кафедру, переваривая случившееся как неосознанный акт любви.
А там тётки чаёвничают, жеманничают, пряниками подкармливают, да всё губы жирно красят, как бы наш Бонапартушка соблазнился на тушку тушкана. Мохнатые россомахи ждут гостей, подтекают маслецом. Колокола обвислые перетянуты ремнями долголетия, дремлют в ожидании молодого перезвона. Только звонарь ленится, одни колокольчики у него на уме, черешня молодая, незрелая. Как его уломать?
Вот одна дама упрямая-боевая-наглая растягивает сеть порочную:
— Приглашаю вас на День рождения, Сергей Александрович. Откажитесь — прокляну!
«Будешь яйца от асфальта отскребать, и член распнём и повесим над кафедрой в назидание потомкам!»
Делать нечего. Серёжа чувствует западню, цветочки и конфетки задобрят стерву. Завкафедры встречает его в неглиже, платье светится похотью.
— Где же гости?
— А гостей нам не надо, правда, Серёжа Александрович?
— Хм.
— Хм.
— Хм.
— Давайте выпьем за прекрасное начало учебного года!
— За вас, дорогая Алла Владимировна. Желаю вам долголетия и благоденствия.
«Пожелал так пожелал! — сорокалетняя барышня обидчиво жуёт губы. — Ну погоди у меня!»
— А как вы относитесь к карьерному росту, Серёжа Александрович?
— Положительно отношусь.
— Но для этого надо стараться, вы понимаете.
— Конечно, понимаю вас прекрасно, Алла Владимировна. Я очень ответственный и исполнительный, даже очень, слишком ответственный.
— Значит, на вас можно положиться?
И тут Серый бумерангом получает в лоб. Что значит «на него можно положиться»? Уж не задумала-ли старая вешалка чего отвратительного?
— Что вы имеете ввиду?
— Ха-ха-ха. А вы, Сергей Александрович человек с юмором. Даже не мечтайте! Какие у вас мысли, однако, пошлые.
Во как! Это у него, значит, пошлые. А она, значит, белая-пушистая? Вьётся у плиты, трусами светит. Как это называется?

— Блядство!
— Простите, что?
— Я говорю, дворянство. Дворянство на Руси, все этим занимались. У Екатерины Второй был молодой любовник.
— Я понял намёк.
— Опять вы за своё. Ну какой неугомонный! Кобель!
— Ну я пошёл?
— Сидеть!
— Так что вы решили?
— Иди в спальню, я тебя буду учить в ладушки играть.
Нельзя обижать юбиляра, тем более начальника, тем более начальницу, тем более в неглиже.
Женщина Алла — просторная, как Русь-матушка. Раздалась в плечах и бёдрах, а талия — течёт издалека река Волга. Волосы у бестии жгучие-пахучие, чернющие, как конский хвост, длиннющие до бортика поясничного. Баба в соку, колоколами душит Серёженьку:
— Пососи, мальчик мой! Последний раз я лактала двадцать лет назад. Пора их раскупоривать!
Серёжа, охмелев, запивает пористый шоколад сосков красным винцом. Женщина в охоте льёт себе на буфера красный экстракт, плевать она хотела на шёлковые простыни. Задница-каравай придавливает Бонапарта к Франции. Пальцы костлявые с маникюром когтистым вытягивают бегунок ширяночный. Женщина на мази аки трактор без тормозов: рвёт и мечет к заветной пашне. Вот и плуг нарисовался из-под кельвин-кляйнов. Губы у завкафедры — жирные улитки, язык — слизень, обвивает член кольцом, стягивает головку удавкой. А пальцы-гвозди прибивают мошонку к кровати.
— Теперь не уйдёшь, красавчик! — мычит разведёнка, выдаивая молодого бычка. — Только полагаться придётся тебе на меня, а не наоборот. Ибо не пристало зрелой бабе потеть сверху.
Вольная борьба на лежбище заканчивается миссией-посланием от Сергея. Баба снизу, он — миссионер-проповедник. Пришёл назидать веру в женский односторонний оргазм.
— Да-да! Вот так! — стонет она. — Ах, что ты со мной делаешь, развратник неугомонный?
«Трахну её и пойду восвояси, а потом замну это дело!» — Серёжа работает легко, в нём восемьдесят килограммов атлетичности. Что бабу оттрахать, что кросс пробежать. Плюс алкоголь, плюс влагалище отражавшее, что ведро. Он бомбит её, не чувствуя разницы — что в воздух тыкать, что в бабу.
«Отстреляюсь и пойду, делов-то!»
«Никуда ты теперь не пойдёшь, щенок! Будешь сидеть у меня на кафедре, на цепи. Я тебе найду применение. С такими талантами ты у меня далеко пойдёшь!»
— Да-да! Вот так! Какой ты классный, Серёжа!
Он вертит бабу раком. Её жопа — блюдо, поднос с подливой. Сколько раз она кончила? Судя по крику, он сбился со счёту. Пора заканчивать с пробежкой. Он берётся за талию, спускается на изгибы тазобедренные, смыкает жопину в замок и долбит её до посинения. Лобок болит, член влетает в пустое хлюпающее влагалище. Так нельзя, ребята! Нельзя так трахаться интенсивно. Если тебе не двадцать пять и ты не готов испытать своё тело на прочность. Дырка в бабе сбивается в молоко, брызжет смазкой, она не знала таких любовников, спортсменов-экстремалов. Всё как-то жизнь без дикого секса проходила мимо. А тут такой торт, поздравление с задуванием свечей. Все сорок накативших оргазмов. И последний

властный с впрыскиванием заветной жидкости. Вот так Аллочку-подхалимку, добившуюся должности подставой, оттрахали на День рождения через должностную иерархию.

Серый брёл домой, опустошённо блуждая по тёмным улицам. Общага подождёт, с мыслями надо разобраться. Что получается? Любит он Жанну, а трахает Аллу? Им попользовались, нельзя этого так оставлять. Пускай Алла найдёт себе мужа на сайте знакомств. И всё-таки приятно было потрахаться без обязательств. «Надо завязывать с этим», — решает он.

Общага полуночная освещена ярким фонарём над крыльцом. В жёлтом свете забрезжила надежда — одинокая женская фигура прислонилась к стене.

— А я вас жду-жду, — лопочет заинька.

— Жанна, — он обескуражен. Сколько же она ждала его, стоя здесь? Сколько в ней любви, в этой девочке, которая мёрзнет здесь в польтишке прохудившимся.

— Я всего лишь хотела сказать вам что-то важное, — она торжественно блестит очами.

Он готов принять истину, расслабленная откончавшая улыбка на захмелевшем лице принимает романтичное выражение.

— Я тоже люблю вас, — шепчет Жанна и виновато опускает глаза.

Слов лишних не надо. Он делает шаг и обнимает малышку. Как приятно вдохнуть аромат её волос, прикоснуться к ней наконец, как к ребёнку беспомощному, безропотному ребёнку, которого тоже намотало на колёса любви.

Он целует её в висок по-отечески поглаживая по спине. В нём нет желания, он пуст как ведро. Людоедка Аллочка выкачала из него всю сперму, он бы и хотел вернуть себе потенцию, но там ничего не осталось, ничего! Коварная женщина отыгралась на нём за двадцать лет. Что он теперь подарит Жанне? Жалкий поцелуй?

Она согласна и на такую малость. Её нежные губки дрожат под прикосновением, целуется она неуверенно, как в первый раз. После урагана Аллы лёгкий бриз Жанны ласкает уютом. Девочка не умеет целоваться! Она дёргает напряжёнными губками, распахивает их в воронку, прижимает к зубам, чёрти-что!

«Ну как, скажи ты мне, дорогая, как можно так неумело целоваться, когда тебе восемнадцать?»

«А вот так! Вот так! Я ведь ещё девственница!»

«Девочка-колокольчик, — звонарь тихо сходит с ума. — Что же ты раньше молчала?»

«Я берегла свою любовь для тебя, любимый!»

«Ну и дела», — Серый тяжело вздыхает, вспоминая события вечера.

— Вот что, ты где живёшь? — он берёт её за плечи, пристально смотрит в глаза.

Она называет адрес.

— Идём, — берёт её за руку, тащит за собой к остановке, где такси в ряд караулят запутавшихся любовничков.

Серый везёт девочку домой. Проводить её — дело чести. Довести до дверей квартиры, чтобы совесть не болела.

Жанна снимает квартиру с подружкой.

— Останься, — просит голубоглазая бестия.

— А подружка?

— Она уехала домой на выходные.

Вот как. Бони, расшаркиваясь, проходит в съёмную квартирку. Второй аэродром за ночь. Невероятная феерия событий.

Стюардесса зажигает огни на посадочной полосе. Свечи на кухне — как романтично. Поздний ужин при свечах. Что она вообще себе думает? Любовь-морковь, но ведь девственность не порок, чтобы избавляться скоропостижно? Серый неловко попивает чаёк, рассматривая влюблённое личико рыжей. Дурман воспоминаний о диком сексе с начальницей тянется шлейфом. Яйца пустые, отбитые об лобок, член распарен, распух от небывалого воздействия. Гениталии покоятся, чего не скажешь о Жанне. Та елозит на стуле, подтянув ножки, сосредоточившись на госте. Мужчина мечты задумчив, Жанна не знает, как соблазнять. Если любит, почему не пристаёт?

Теряется в догадках. «Может, разлюбил меня, пока туда-сюда?» — горько переживает.

«Может, обиделся?»

— Ты не обиделся? — хватается она за новую возможность доказать верность.

— За что?

— Ну, на меня. Ты не обижаешься на меня?

— Нет, — его добрая улыбка растопит кого хочешь, тем более её. Она, как горячий шоколад, плавилась все эти дни в томлении. Сколько страданий ей стоило это признание. И поцелуй. Поцелуй на лестнице. Она — сумасшедшая! Пригласила его домой. Она ведь не готова к отношениям, или готова?

— Ты меня ещё любишь? — приоткрытый ротик Жанны выдыхает самый важный вопрос.

Он берёт её за руку, гладит пальчики, улыбается, кивает и целует. Нежно, в этот раз совсем неотвратимо. Без шансов на поражение и неясность качества. В этом поцелуе, полном любви, она находит страсть и смысл. Желание отдаться Сергею разгорается из одного страстного прикосновения. Её руки обхватывают шею любимого, её волосы щекочут ему лицо, её детская фигурка, мягкие грудки мнутся об его железный торс. Она садится на него верхом, притянутая сильными руками, обхватывает ножками. Он держит её и целует, гладит и вдыхает, облизывает молоко на губах.разбуженный средь бела дня, потягивается, заливая полые сосуды кровью. Рот Аллочки-членоедки — это сказка, арабская ночь с вязью языка и засосами щёк. Она не сосёт член, она вытрахивает его полой вакуумной пробкой с сочной слизистой, спрятанными зубами, активным языком-спермососом. Она готовит жеребца к случке, а потом задирает юбку и подводит кобылу. Подгнившая хурма сладко чавкает, раскрываясь под осадой быстрых пробиваний. Серёжа приучился трахать начальницу по приказу, тут бы отказаться, послать её к чёрту. Но баба в течке что белены объелась, грозится уволить, старуха, за невыполнение служебных обязанностей. То ли в шутку, то ли всерьёз. «Чёрти-что! — ругается про себя Серый, обслуживая кобылу. — Насилие на работе, сил моих нет».

И всё же он рад мимолётному развлечению. Адреналин на работе зашкаливает, вокруг студенты вьются, школярят за дверью, жмутся к дверному проёму в надежде на зачёт. Но зачёт сегодня у него, Серый сдаёт экзамен на профпригодность. Все параметры в норме: член задран на сорок пять градусов, залит сталью на пять атмосфер, максимальная скорость проникновения — три-четыре в секунду. С такими показателями кобыла быстро забивается в пароксизме оргазма, только что не орёт на весь деканат. Пальцы в рот помогают ей заткнуться.

— Кончи мне в попку! — канючит она девичьим голоском шестилетней плаксы. Молодится, сука, морочит башку парню! — Серёжа не промах, сечёт фишку. Но сейчас желание барышни с бздиком — закон. В попку — так в попку. Он головкой находит анус в заднице. Большая

кадка, ведро, по сути, разбитое, имеет маленький клапан для выпуска пара. Твёрдое полено Наполеона пробивает смазанную пальчиком дырочку, входит в тыл и бьёт из всех пушек. Бах — задница растекается зачатками целлюлита под ударом лобка, ба-бах — ствол влетает по яйца в девственный анус тётеньки. «Любишь медок, люби и холодок!» — Серый даже рад, что тётя Алла не рада. Уж теперь-то он оторвётся на старухе.

— Эй, полегче, — ревёт та из-под задранной юбки.

«Сама напросилась!» — он дерёт её не в ведро, а в клапан, сиськи вылетают из-под бруствера.

«Сука! Сука! — сражается Бони. — Блядь, как же ты меня заебала!» — член замирает выплёскивая острые струи спермы в презерватив, задница, возбуждённо принимая подаяние, потряхивает крупом. Обмякший, член выскальзывает из разбитой щели. Тётя Алла довольно подтягивает трусики-стринги, колготочки, опускает юбку. Как бы и не было ничего, и не трахалась женщина-начальник. Идёт себе восвояси по своим деласям, работать дальше, подлизывать налево и направо, вставлять молодым щёлкам по самые помидоры, подмахивать задом пердунам-профессорам, старикам-разбойничкам. Мало ли кто ещё замахнётся на дикую ворсистую россомаху.

Только наш герой невесел, член повесил. Плетётся чуть по коридору в мыле утреннего анального секса. Жанночка-партизанка стреляет глазками.

«Не думай о секундах свысока!» — им нельзя встречаться, можно только облизываться. Перестрелки глазками утомляют.

«А ты меня любишь?»

«Ага».

Серый добирается до лекционного зала. Просторного, с высоченной кафедрой, как он любит, с тёплым светом заоконного солнышка.

— О чём это я? — голова отказывается думать о макроэкономике. Хорошо, что конспект перед глазами. — Итак, детки...

Кафедра с секретом оживает: ширма раздвигается, и прямо под ним Жанна-разведчица, радистка-наводчица, ищет пальчиками ширинку. Ну это уже совсем беспредел! — Серый опускается на локти, взывая к пощаде. Дети сидят смирно, навострив ушки, пишут гладко, переписывая буковки. Ну что ты тут поделаешь? — Серый прислоняется к кафедре. — Пусть сосёт, раз хочет.

А если кто войдёт? — А пусть! Пусть смотрят и дивятся. Он со своего места не сойдёт. Пускай они все там хоть с крыши попадают. Он будет стоять на этом самом месте и читать лекцию. Одна сосёт, другая сосёт, не работа, а доильный цех.

Макроэкономика может оказаться удивительно интересной, если задуматься на секунду. В ней столько потрясающих моментов, вы только вдумайтесь в смысл каждого слова: макро — это значит не размениваться по мелочам, а брать всё сразу, тут тебе и работа, и секс, и отношения, и любовь. А экономика — это прежде всего экономия времени каждого трудящегося. Получать оргазмы, не отходя от кассы, то есть от кафедры. Так оно и достигается неимоверными усилиями — второй оргазм за час, каких-то жалких сорок минут отсоса.

«Ну как, как можно столько сосать?!» — Серый готов реветь от возмущения. Неужели у Жанны нет чувства меры. Она же девственница! Ей бы думать о куколках, а она сперму глотает. В первый раз, причём.

Нет, этой любви не может быть объяснения. Серый любит Жанну за девственность,

нераспечатанность. Она помогает ему кончить, но сама при этом остаётся нетронутой. Игра, похоже, устраивает и её тоже. Она втянулась и теперь сама сапожки подставляет. Лежит перед ним голая в одних сапожках — кончай мне, милый, на ножки. Он и рад стараться, удобряет её кожу бальзамом, втирает в грудки, знакомит губки со вкусом. Жанна вся заляпана спермой. Он кончает на спинку, попку, грудку, теперь в ротик. Закрывает девственную писечку полотенцем, плотно притягивает ремешком стрингов, чтобы розовая складочка не светилась, и кончает прямо на анус — нежный кратер-паучок. Тот сжимается в узелок, скапливая в себе горячий нектар. Жанна лежит в позе берёзки, почти стоит на голове и шее так, что вся её детская попа раскрылась наверху. Туда-то он и кончает — в необъезженный кратер. А потом собирает пальчиком сперму и несёт ей в рот — она сама попросила.

— Хочу попробовать вкус.

— Ну как?

— Солёненькая.

— Понятно, ещё хочешь?

— Да.

Так он и скармливает ей пальцем всё, что там лежит в её анусе. А сама она девственницей остаётся. Теперь вот приучилась сразу в рот ловить, да ещё не отходя от кассы, то есть от кафедры.

Серый устроился на работу и иняз по знакомству. Можно сказать, клюнул на злую удочку:

— Там тебе девчонки, оторвёшься! — ревел камераде, завистливо подмигивая.

Вот, оторвался. Запутался так, что хоть стой, хоть плачь. Хоть в рот, хоть в анус. Но работать надо.

«Раздеваться и работать», — как завещал Президент.

Отстрелявшись, Серый поправил ширинку, поблагодарил отважный ротик ласковым поглаживанием и, как ни в чём ни бывало, поплёлся домой, то есть в общагу.

Хотелось спать, выпить, почитать книжечку. Позвонил друг, предложил два билета на вечер.

— Так уже вечер.

— Ещё не вечер.

Жанна мигом согласилась, экстремальный минет закалил девочку в операционных двухходовках. С момента знакомства с Серёжей она многое познала о любви. Девственность — талисман, жгучий фетиш, нерастраченная карма, собранная в девственной плеве. Серёжа гладит дырочку языком, растекается по тонкой кожице, прикрывающей вход в святая святых. Она — сосуд, закупоренная бутылка хереса.

— Чего?

— Это вино такое креплёное из белого винограда.

— А. Интересное название.

— Да... Так-то вот.

Девственность не порок и не вещь материальная. Это печать, за которой хранятся твои детские воспоминания. Всё, что тебе так дорого в детстве: куколки, мама с папой, поцелуйчики, обнимашечки, первая менструация, влюблённость, стыд, боль, обида, радость и озорство, наивный смех и песня — всё мигом улетучивается, как только ты переступаешь порог половой жизни.

— А у мужчин не так?

— Нет, мужчины порочны по определению. У них даже признаков внешних нет,

указывающих на девственность.
Такая бережливость к девственной плеве восхитила весталку. Парень, взрослый мужик по сути, поклоняется тонкой плёнке, прикрывающей вход во влагалище. Она ходила эти дни озадаченная, восторженная, сказочная. Игры становились жёстче, орошением ножек дело не обошлось. В ход пошли другие части тела, и скоро Жанна лакала сперму, обмазывалась ею от случая к случаю, соблазняя любимого на раскупоривание хереса восемнадцатилетней выдержки.
— Вставь туда пальчик,— молит она, сражаясь с оргазмом.
— Ты же знаешь, до свадьбы нельзя, — отшучивается он.
— Тогда давай поженимся.
Серый замер в нерешительности, язык застыл на клиторе, серые зрачки глаз упёрлись в горящие изумруды любимой.
— Я сам хотел тебе предложить. Но ты опередила меня. Вот, — он тянется к сумке, достаёт коробочку, обшитую чёрным бархатом. — Выходи за меня, — извлекает золотое колечко с камешком.
Жанна обомлела от счастья, теперь она готова терпеть хоть целую вечность. Она будет хересом, мадерой, портвейном на худой конец. В конце концов, они научились удовлетворять друг друга орально, а их игры наполнились небывалым разнообразием. Последняя кулинарная тема стала открытием века.
Жанна спешила на свидание с любимым. Побрила писечку, приняла душ, спрятав волосы под шапочку. Юное тело дышало свежестью, новые замшевые сапожки, чёрные, на высоком каблучке, ещё не знали белесых разводов подсохшей спермы.
Театр оперы и балета оказывает волшебное воздействие на девственный мозг. Тут тебе и программка, и фотки художественные, и музыка божественная. И парень твой бледнеет при виде завкафедры экономики. Его-то можно понять — застукали с поличным. Но она-то, она-то чего нервничает? Только Серый руку сунул под сиську девичью, только другой прощупал пульс ягодичный, как кикимора и нарисовалась:
— А что это вы тут делаете, Сергей Александрович? — глазами блещет, губами брызжет. Яд из неё течёт, как помойная жижа.
— Да вот встретил студентку нашу случайно, оказывается места у нас рядом. Представляете?
— Представляю. Конечно. Такие совпадения нынче сплошь и рядом. Как поживаете, Жанна? Ваша фамилия, случайно, не Агузарова? А то нынче столько совпадений в последнее время.
— Нет, не Агузарова. Я — Летчинова, стюардессина я, лётчица.
— А-а-а. Лётчица-налётчица. Молодые нынче нетерпеливые, всё им любовь подавай. А учиться когда?
— Учиться невтерпёж.
— А замуж?
— Замуж уж.
— Как, уже?
— Да, знакомьтесь. Мой будущий муж.
Тут Алла Владимировна потеряла на неопределённое время дар речи. Молодая протеже сверкнула колечком, прищёлкнула язычком — «как я вас?», цокнула каблучком и поскакала в туалет оросить золотым дождичком белый трон.
— Наш пострел везде поспел! — Алла Владимировна с уважением дивится новоявленному

Дон Жуану.
— Бабы сами прыгают на меня, как вши.
— Бедненький.
— У нас любовь.
— А у нас?
— Дворянство.
— Ах, дворянство! Ну-ну. Ну что ж, уважаемый Серёженька Александрович. Жду вас на личный приём у себя в кабинете уже завтра утром. Резину не забудьте. И подмойтесь после лимиты.
— Я сам лимита. Нечего нас оскорблять.
— Да я не оскорбляю, мало ли. С кем она спит.
— Она невинница!
— Ха-ха-ха. Молодо-зелено. Серёженька, не ведись на лапшу кукловодную. Весталок нынче пруд-пруди, позашивают себе пИзды и рвут на радость свадебную.
— Как?
— А вот так. Плёночка та в два счёта подшивается. Хочешь, я себе тожу ушью?
— Ваше ведро?
— А что ты думаешь, не получится?
— Вы себе рот лучше ушейте, чтобы не болтать глупостей.
— Обижаешься.
— Нет.
— Вижу, любишь её. Правильно, Серёженька. Люби её. А трахай меня. Её люби любовью платонической, а меня ебической.
— Хитрая вы.
— До завтра, Серёжа! Резину, резину не забудь!
И пошла лиса хитрая вилять задом выхоленным по кулуарам театральным. Поселила, закопала она зерно раздорное в душу юную, фетишистскую. Пригорюнился Серёжа, задумался. Уж и в самом деле нет ли подвоха цыганского в целке девичьей, нерастраченной?
Приплыла к нему Жанна, спросила:
— От чего ты печален так, молодец?
— Больно резво ты член мой сосала давеча. Не была ль у тебя связь интимная?
— Что ты, что ты. Окстись, Серёженька. Я ль к тебе не прибилась невинная.
— Нецелованная?
— И нетраханная.
— Ну а если узнаю, что врёшь ты мне?
— Не сносить мне головушки рыженькой.
— Все вы рыжие да бесстыжие.
— Так то рыжие да бесстыжие. А мои корни все чёрные.
— Точно чёрные! Покручённые.
Вспомнил Серый тут Жаннину писю небритую, волосами чёрными поросшую. Успокоился да расслабился.
***
Тётя Алла была баба умная, не сказать, что совсем уж недобрая. «Побесятся, переженятся, перелюбятся, перемирятся, а потом седина да и бес в ребро. Надо ухо держать в общем мне

остро. Совет да любовь!»

Юная щёлка, трясущая сиськами, умилила Аллочку-членоедкину, растрогала. Девственная плоть имеет обратную тягу. К молодым взятки гладки.

— Скоро ль свадьба у вас? — поймала вертихвостку и в лоб.

— Пока не решили.

— Так надо решать скорей. Мужики — кобели приставучие. Не пристанешь к нему, так отвяжется.

— Что-то я вас не шибко разумею.

— Бери пацана за яйца и тяни в загс. Что тут ещё понимать.

— Как-нибудь сами разберёмся.

— Эх, разберёшься ты. Молоко на губах. Серёжа ведь наш — парень видный. Топчет кур уж поди в подсобке деканской.

— Что вы врёте всё!

— Шкурой клянусь!

— Шкура стреляная!

— Шкура стреляная-перестреляная. Отыметая да отбитая, к палке твёрдой поди уж приучена. Приучена-переучена.

— Всё равно ни хрена я не верю вам.

— Вот поди да всё покажи ты им. Покажи, докажи, расскажи ты им. Ладно, делать похоже мне нечего. Вот что, Серый твой пристаёт ко мне давно уже. Я держалась-крепилась как могла. Посидишь у меня в шкафу, полюбуешься?

— Вы его любите?

— Любовь с дворянством не рифмуется. Он любовник мой, а ты — дурочка.

— Перестаньте говорить нараспев!

— Кто ж тебя надоумит, недоросль.

— Уйдите, прошу вас.

— Так жду тебя.

Девственница Жанна соблазнилась на поседушки в шкафу платяном. Вот видит: приходит на поле он. Баба черноволосая заклинает змея огненного помпой смермоотсосной. А потом задирает юбку длинную да кобылу подводит гнедую. Скачет наездник, удалец молодой. Плетью хлещет по ляжкам целлулоидным, отбивает похоть у бабы каверзной.

И полетели слёзы девственные, чистые. Прозрачные, как весенний ручей. Капельками прозристыми рассыпались по фаянсовым рученькам.

Как в тумане выходила Жанна из деканата, слезами перепачканная. Не играла больше ноженькой и колечко вернулось Серёженьке.

— Вот любовь твоя. Возвращаю я.

Серый пепел покрыл лицо Серого.

— Что случилось? Ты сказать мне можешь?

— Не рифмуется любовь с дворянством.

— А точнее, что конкретно?

— Прощай, Серёженька.

И умылась слезами весна чистая.

***

Сергей Александрович подал в отставку. Работу наставником в конце учебного года найти не

так-то просто. Устроился на стройку подсобным рабочим, кирпичи таскать, по любви тосковать.

Каждое утро встречал он Жанну у подъезда, провожал до остановки. Шёл рядом с ней, рассказывал. О себе, о любви, о соблазнах. О хитрости бесхребетной и подлости нелюдской. О слабости человеческой.

Видно с чистого листа придётся писать историю заново. О вине тёрпком, застоявшемся, заждавшемся, затомившемся. Как лилось оно в бокалы хрустальные. Знаменуя торжества подвенечные.

Потому что каждая бутылка хереса мечтает быть выпитой.

А Жанна была милосердной.